

ЭТНОЛОГИЯ

«МЕТКИ ЗЕМЛИ» И «МЕТКИ ДОРОГИ»: НАЗЕМНЫЕ ПРИРОДНЫЕ И ИСКУССТВЕННЫЕ ОБЪЕКТЫ В СИСТЕМЕ ПРОСТРАНСТВЕННОГО ОРИЕНТИРОВАНИЯ ТУНДРОВЫХ НЕНЦЕВ¹

В.Н. Адаев

Представлены набор применяемых ненцами наземных естественных и искусственных ориентиров, а также практика их запоминания и использования. Рассмотрено предложенное К.В. Истоминим и М.Дж. Двайером двухуровневое знание местности тундровых ненцев, где верхний уровень позволяет без сложностей перемещаться по территории, а нижний содержит детальные знания ландшафта, необходимые для занятия оленеводством. Сделан вывод, что универсальными и первоочередными естественными ориентирами для тундровых ненцев являются реки и возвышенности.

Пространственное ориентирование, тундровые ненцы, северные ландшафты, условные знаки, дороги.

Ненцы, как и некоторые другие коренные народы мира, заслужили славу виртуозно ориентирующихся людей, чей талант не сбиваться с нужного направления при отсутствии видимых ориентиров (в условиях полярной ночи, в пургу и туман) стал легендарным, и за ним виделись едва ли не сверхчеловеческие способности. Ненецкое глубокое знание северной земли и опыт ориентации в пространстве с самого начала были востребованы русскими переселенцами в Сибирь. Само освоение Ямальского Севера не могло состояться без обязательного человека из числа коренных жителей — «толмача и проводника», который сопровождал экспедиции, начиная с раннего периода и вплоть до первых десятилетий XX в.

Между тем система ориентирования ненецкого населения по-прежнему остается темой, не изучавшейся специально. В настоящей работе, написанной прежде всего на основе полевых материалов 2014 г., собранных в Надымском, Тазовском и Ямальском районах ЯНАО², рассматривается набор применяемых ненцами наземных естественных и искусственных ориентиров, а также практика их запоминания и использования. Методологической основой исследования являются сходные по тематике работы по этнографии других народов как нашей страны [Кулемзин, 1998, 2000; Лаврилье, 2010; Istomin, Dwyer, 2009], так и зарубежья [Лебедева, 2008; Allen, 2000; Aporta, 2003, 2009; Leroi-Gourhan, 1993; и др.].

Основная терминология

В качестве наиболее близких эквивалентов понятия «сориентироваться» участниками полевых исследований были записаны ненецкие выражения *сехэрым' хось* («найти дорогу») и *ям' тасламба* («определить землю»). Для термина «ориентир» отмечены две основные версии: *я' ненадумбава* («земли метка»), в более простом варианте — *ненадумд'*, *ненадумда'ма* («метка»); *сехэры тю'уй* («дороги указатель»). Нюансы различия приведенной терминологии будут освещены далее. В словаре Н.М. Терещенко представлен еще один синоним того же понятия — *пун* («ориентир», «примета»), производный от которого глагол, *пуноць*, означает «использовать что-либо в качестве ориентира» [1965, с. 416].

¹ Работа выполнена при поддержке государственного контракта № 24ок-2905/2014 от 3 июля 2014 г. «Архивные и полевые исследования системы ориентации в пространстве ненцев автономного округа» и гранта РФФИ № 14-18-01882 «Мобильность в Арктике: этнические традиции и технологические инновации» (рук. чл.-кор. РАН А.В. Головнев).

² Полевые сборы осуществлялись Е.А. Волжаниной (Ямальский р-н), Р.Х. Рахимовым и автором настоящей статьи (Надымский и Тазовский р-ны). Выражаю благодарность преподавателям ненецкого языка Тазовской школы-интерната М.Х. Салиндер и Т.Д. Желкайдаровой, сотруднику Научного центра изучения Арктики С.Е. Сэрпиво и филологу Н.И. Вэллэ за помощь в редакции ненецких слов и выражений.

Естественные ориентиры

Чем дальше ненец проживает в одной местности, тем более детальные знания о местности, ее ориентирах, ландшафтных очертаниях он имеет. Доскональное знание своей земли подкрепляется весьма дробным топонимическим багажом. Причем названия эти довольно часто указывают на специфику географического объекта, его отличительные черты и качества, например: Нуна-яха — Спокойная река, Паравы-седа — Горелая сопка, Хасрё — Заболоченное озеро и т.п. В некоторых случаях, как указывает Г.П. Харючи, топоним несет в себе важное предупреждение для человека: *илена я* («живая земля», т.е. трясина); *Лабангане надо* (Обваливающаяся гора); *Ты ханонда надо* (Волчья сопка или «сопка, где много волков») [2012, с. 31].

Из высказываний ненцев: *«Каждое озеро, каждый ручеек, каждая речка, каждый холмик — имеют свое название. И каждый холмик, каждая речка — они отличаются друг от друга»* [ПМ Адаева, Тазовский р-н]. При общении с одним из оленеводов, который вынужден был из-за перехода на работу в другое оленеводческое хозяйство осваивать новые для себя ландшафты, мы попросили его привести конкретные отличительные особенности окружающих речек. Прозвучал следующий ответ: *«Речек же одинаковых нету, они все разные. Вот эта речка, где мы сейчас стоим, она узкая, а предыдущая была шире. Если на ту речку попадете, на ней не везде можно найти брод, там и зимой переезд невозможно найти. А здесь другая сторона видна. Даже если речки примерно одного размера, то все равно они разные. Допустим, вот эта речка и та, они немного одинаковые, но что-то есть все равно их отличающее: почва, деревья там... В одном месте могут быть берега высокие, в другом пониже, или в одном месте может быть ягельник, а в другом мох* [ПМ Адаева, Тазовский р-н].

Соответственно при детальном знании местности человек может легче, по меньшему количеству видимых объектов, определить свое местонахождение в условиях ограниченной видимости (ночь, пурга, туман и др.).

В общем массиве ландшафта всегда есть наиболее выдающиеся точки, которые выделяют данную местность из окружающих, облегчают ее запоминание. Нередко в качестве таковых выступают наиболее высокие, видимые на большом расстоянии объекты — сопки (*седа, сидя*), холмы или хребты (*хой*): *«Например, холмы. Холмы же разные — низкие, высокие. Бывают сопки большие. Километров за 10–15 видно. В километрах трех будет такая видна — просто смотри, чтобы видна была. Такие сопки — седа. Все — седа. У них свои названия. Можно сказать Си"ив седа — семь сопки таких рядом. Или Яхасаха' — это близнецы. У них у всех есть названия, поэтому так и ориентируемся. В некоторых местах в радиусе 10 на 20 км в одном месте, а в других вообще нету»* [ПМ Рахимова, Тазовский р-н].

При высокой сосредоточенности сопки в одном месте на первый план уже выходят их определенные приметные качества: совершенно голые, с деревом на вершине, двойные и пр. Иногда сопки могут иметь еще более выдающиеся особенности: *«У Сидеяхи есть две священные сопки. Они как бы растут. Одну сопку видно постоянно, а другую — только к вечеру. Прямо заметно, как она появляется»* [ПМ Адаева, Тазовский р-н]. Актуальность тундровых возвышенностей в качестве ориентиров подтверждается фразой, которая присутствует в качестве примера употребления слова *хой* («холм») в словаре Н.М. Терещенко: *Хойм' пуно"надм'* («Я использовал холм в качестве ориентира») [1965, с. 416].

В юго-западной части ЯНАО отличным высотным ориентиром являются выступы Уральских гор (*Нарка" Пэ"*), которые в ясную погоду видны на многие десятки километров. Например, для ненцев Байдарацкой тундры таким хорошо различимым с большого расстояния объектом является гора Байдарата-Саурей, расположенная в верховьях р. Байдарата. За характерный профиль ненцы иногда называют ее по-русски «треугольником». В книге В.П. Евладова приводится рассказ о долгом путешествии ненецких морских охотников на лодке. Когда после бури ненцам удалось наконец подойти к берегу, перед ними предстала незнакомая местность и определить свое местонахождение они смогли лишь благодаря знанию горных отрогов Урала: *«Стали греть чай. Вдруг — на пяти оленях нарта. Видим — зырянин с мальчиком. По-самоедски не говорит, по-русски тоже не умеет, да и мы не знаем. Он только ответил, что святой камень Минисей тут неподалеку. Туман рассеялся. Минисей видно. Под Урал попали!»* [Евладов, 1992, с. 42]. На большом пространстве полуострова Ямал хорошим зрительным ориентиром является хребет *Ямал-Хой* — протяженная с севера на юг возвышенность на водоразделе между Карской и Обской водными системами. Подобным же дальним ориентиром (цепочкой холмов на горизонте) пользовались, судя по всему, ненецкие проводники А. Шренка в архангельской

тундре: «Открытый вид здесь не имеет границ, как и на поверхности моря, и находит преграду только в синеющем вдали тумане, где едва заметно волнующаяся линия, исчезающая в бледном небосклоне, там и сям обозначает верхнюю черту холмов и служит Самоеду верным компасом на этом тундристом океане» [Шренк, 1855, с. 253].

Отметим также, что все вышеуказанные возвышенности используются ненцами и для обзора местности. Так как они лучше всего видны на далеком расстоянии, в памяти ненцев формируется связанная система взаимного расположения возвышенностей, со знанием относительной высоты объектов, максимального расстояния, на котором те видны, особенностями очертания с разных направлений и т.п. Не случайно и для своих стоянок оленеводы предпочитают занимать господствующие высоты с хорошим обзором.

Чрезвычайно большое внимание при ориентации ненцы уделяют рекам. Именно реки являются отправным ориентиром, с которого начинается изучение незнакомой местности: «На новом месте сперва речки запоминаешь. Когда в незнакомом месте едешь, речку переваливаешь, ты уже смотришь, что где находится, берега какие — обрывистые, заросшие, песчаные. В той стороне, на юге Таймыра, там бывают берега-перекаты, там каменистая земля уже начинается» [ПМ Адаева, Тазовский р-н].

Важно отметить, что тундровики при запоминании концентрируются прежде всего на структурной системе речного бассейна, общей направленности течения его водотоков относительно сторон света. Конкретный же рисунок русла рек видится ими, как правило, очень схематично. В особенности такой подход типичен для оленеводов, но, как ни странно, обнаруживается в существенной мере и у ненецких рыбаков. Когда те по нашей просьбе рисовали систему проток и островов низовьев р. Таз, по которой они постоянно перемещаются, очертания земли и изгибы проток изображались также во многом схематично, без внимания к деталям. При этом непосредственно на месте те же рыбаки хорошо ориентируются в сложной системе проток, знают все опасные места.

Вопрос, безусловно, требует более обстоятельного анализа, но уже на этом уровне ознакомления с ним заметна существенная разница в самом принципе запоминания речных систем и уровне детализации этих знаний между ненцами и представителями типично таежных народов Сибири (хантами, манси, эвенками и др.). О том же свидетельствует наблюдение одного из исследователей этнографии эвенков А. Лаврилье: «Желая помочь им (эвенкам. — В. А.) сориентироваться, я, в соответствии с системой ориентации моей собственной культуры, указала им на четыре стороны света и самые высокие точки, но они мне ответили: “Нас не интересуют ни отправные точки, ни горы, нас интересуют реки!”. Кроме того, я заметила, что они, невзирая на принадлежность к тому или иному поколению, очень быстро находили на карте большие и малые реки, которые их интересовали, **всего лишь по конфигурации потока** (выделено мной. — В. А.)... Я заметила, что взрослые и дети, мужчины и женщины часто охотно повторяли, как таблицу умножения, связь рек и речек, покрывающих пространство, намного превосходящее ту территорию, которую им доводилось проходить в их кочевой жизни» [2010, с. 115]. Подобного рода информацию можно без труда встретить и в других этнографических работах по таежным народам (см., напр.: [Кулемзин, 1998, 2000]).

Для сравнения: ни один из опрошенных тундровиков не выразил уверенности, что он сможет идентифицировать на карте какую-либо реку из известного ему окружения только по общему рисунку течения. Для того чтобы начать работать с топографической картой, оленеводам, как правило, нужно было увидеть, где на ней находится близлежащая крупная река и какой-нибудь второй ориентир на ней (населенный пункт, приток и пр.). После этого они уже могли правильно указать ее притоки и свое настоящее местонахождение.

Существуют интересные нюансы, связанные с ориентированием по рекам. Как известно, течение реки обычно извилистое и преобладающее направление русла не всегда можно четко представить, видя перед собой лишь небольшой речной участок. Тем не менее изредка попадаются исключения — реки с ярко выраженной направленностью от истока до устья. Такие водоемы становятся для ненцев не только хорошими ориентирами (как выделяющийся из общего окружения объект и как указатель направления), но и удобными дорогами в зимнее время, так как по ним можно ехать постоянно по руслу, без необходимости выезда на берег, чтобы срезать большие петли. Для подобных рек у ненцев отмечено специальное название: «Некоторые речки, вот так в вершину встал — у нас там есть такая прямая речка Хутина, — видно аж устье там, далеко. Другие речки так не увидишь. А тут действительно, отец показал. Вот, хутина — значит «прямая речка». А есть другая, Харальян («извилистая»). — В. А.), бесконеч-

«Метки земли» и «метки дороги»: наземные природные и искусственные объекты...

ные повороты там. Это действительно харальянг. К ней даже на оленях лучше не спускаться. Так, вдоль речки едешь. Не дай бог к ней спустишься — оттуда уже не выберешься,— это натуральный харальянг» [ПМ Рахимова, Тазовский р-н]. Вообще, на территориях «голой» тундры для неопытных, мало знакомых с местностью людей именно реки становились главными дорогами.

«Формат» информации о водотоках, хранящийся в памяти тундровых ненцев, и то, как эта информация ими используется, могут быть проиллюстрированы следующим высказыванием одного оленевода: *«У речек все же притоки надо знать, сколько их впадает! Без этого ты пропадешь. Я же когда еду в темноте, то считаю: ага, первая осталась, вторую я должен пройти и третью, и у четвертой у меня чум стоит на развилке, где она разошлась с большой речкой. И точно попадаю»* [ПМ Адаева, Тазовский р-н]. Показательно, что выражение «считать речки» употреблялось почти всеми тундровыми ненцами в их рассказах о том, как они ориентируются в сложной сети мелких рек.

Автор разделяет мнение этнографов К.В. Истомина и М.Дж. Двайера, которые, анализируя материалы по этнографии ненцев Тазовского района, предположили, что именно реки составляют основную ось ментальной карты ненецких оленеводов. Причем в этой ментальной карте ненцев исследователи выделили два иерархических уровня: 1) верхний, представленный картой гидросистем, где объекты и территории увязаны с соседствующими водотоками; 2) нижний, в котором представлена детализированная карта какой-либо территории, ограниченной несколькими соседствующими гидросистемами. Сами оленеводы также ощущают это двухуровневое знание местности, где верхний уровень («знание рек») является общедоступным и позволяет без сложностей перемещаться по территории, а нижний уровень («знание земли») содержит детальные знания ландшафта, лишь владея которыми можно заниматься на каком-либо участке тундры оленеводством [Istomin, Dwyer, 2009, p. 39, 40]. Аналогичная информация была получена и в ходе наших полевых исследований.

Хорошим ориентиром на местности для ненцев могут служить озера. Особенно это касается территорий, где они сосредоточены в большом количестве. О специфике запоминания места в одном из подобных ареалов (южная часть Таймыра) рассказывал тазовский ненец: *«Когда на вертолете летишь — вообще много там озер. Как вот эта вода, она везде там сплошная. Озера тоже неодинаковые: отдельные растягиваются на несколько километров, на других там острова — с краю, на серёдке остров бывает, даже два острова бывает. И ты потом едешь, помнишь, что если речку проехал, дальше должно быть озеро»* [ПМ Адаева, Тазовский р-н].

Озера остаются ориентирами и в зимнее время. Учитывая их сильное заметание снегом, сглаживание очертаний рельефа, ограниченную видимость в условиях полярной ночи, подчас определить свое местонахождение с помощью этих объектов бывает трудно и опытным тундровикам. Иногда для уточнения оленеводы прибегают к старому испытанному способу: прощупать снег тыльной стороной хорея, на которой по традиции надет металлический наконечник в виде копы с тупым острием. Точно так же определяют свое местонахождение в речной губе.

Существуют некоторые другие отчетливые ландшафтные ориентиры, которыми с успехом пользуются ненцы. Например, последние группы лиственниц на границе лесотундры с тундрой (подобные места хорошо известны ненцам), многокилометровые широкие полосы кустарника на водоразделах рек, линия побережья моря или губы. Приведем в качестве примера одно из высказываний тундровиков: *«Здесь, около верховий речек, у нас идет полоса ольховника — километров 10–15 шириной. Она как бы разделяет: севернее начинается голая тундра, а к югу — лесотундра. Если едешь и увидел, что ольховник пошел,— это в сторону Таза уже, а дальше, за ольховником, реки пошли уже в сторону Мессо-яхи. Тут не ошибешься, в какую сторону ехать. Человек, если всю жизнь прожил в тундре, он знает уже все эти “места слежения”»* [ПМ Адаева, Тазовский р-н]. Кустарник также является главным опознавательным знаком берега при нахождении на заснеженной акватории моря или губы. Ненцы, неуверенные в своих способностях правильно ориентироваться на ледяных просторах, по возможности предпочитают двигаться в пределах видимости береговой кустарниковой линии.

В определенной мере ненцы используют в качестве ориентиров и овраги. Наиболее приметны они на пространствах открытой тундры. На это, в частности, обращал внимание один из оленеводов лесотундры: *«Ездил вот к жене, она-то у меня с Находки. У них там уже голая тундра начинается, там практически кустарника нету, вот и запоминал. Отличие у них в том, что там надо запоминать по холмам, речкам и оврагам»* [ПМ Адаева, Тазовский р-н]. В

целом знания об оврагах в большей степени актуальны для выстраивания рационального, безопасного маршрута: *«Места не знаешь — можешь в лишние овраги залезть»*.

Привычным действием для ненцев является запоминание деревьев или кустарников необычной формы (с поваленным стволом, «наподобие орлиного гнезда», с изогнутой формой и пр.) или стоящих отдельно от других, так как такой оригинальный объект тоже является хорошей приметой местности: *«Вдруг там дерево есть одно — самый лучший вариант»*.

Материалы исследования позволяют предположить, что универсальными и первоочередными естественными ориентирами для тундровых ненцев являются реки и возвышенности. Показательно, что только речки (ручьи) и сопки фигурировали на рисунке местности, который сделали для В.Н. Чернецова ямальские ненцы, когда консультировали его по поводу поездки в устье р. Тиутей-яха. Любопытно, что сопки на этом рисунке были изображены в профиль, тем самым демонстрировались их узнаваемые очертания [Источники..., 1987, с. 98].

Возвращаясь к приведенной К.В. Истоминым и М.Дж. Двайером ненецкой системе двухуровневого знания местности, нужно сказать, что иногда переход от верхнего уровня («знания рек») к нижнему («знанию земли») ненцы проходят самостоятельно, методом проб и ошибок. В случаях, когда человек без посторонней помощи вынужден осваивать новую территорию для выпаса оленей, он в течение нескольких лет планомерно занимается ее подробным изучением, подбирая опытным путем оптимальные маршруты. Перед кочевкой на новое место оленевод совершает пешие выходы на 10–15 км, чтобы оценить качество пастбищ, определить удобные переправы через реки и место для стоянки: *«Ну, я обычно в тех местах, перед тем как каслать, сперва ходил же: на новое место попадаешь, надо сперва посмотреть. Смотришь, где какая речка, куда впадает, переправу для оленей смотришь — там мелко должно быть, и чтобы по берегам не такой кустарник. Я себе там тоже метки ставил»* [ПМ Адаева, Тазовский р-н]. Упомянутые в конце фразы «метки» — специальные знаки-ориентиры на местности, подробный рассказ о которых представлен в следующем разделе.

В заключение данного раздела приведем еще одну красноречивую цитату, демонстрирующую, как тундровики оперируют своим знанием ориентиров в пути: *«До выезда еще дорога вся уже в голове. Сопки запоминаешь, реки. Если едешь, вблизи не думаешь, думаешь вдаль (выделено мной. — В. А.). Должна появиться сопка, либо речка, либо бугор какой-нибудь заметный. Название речек все уже знаем. Притоки рек считаешь. Особенно в темноте: “Ага, перейти реку на восток”»* [ПМ Рахимова, Тазовский р-н].

Искусственные ориентиры

В данном разделе будут представлены искусственные, в том числе специально сделанные, ориентиры, которые устанавливались самими ненцами, и те, что были сооружены другими людьми (главным образом промышленные и инфраструктурные объекты).

Непосредственно с установкой дорожных меток (маяков) в ненецком языке связаны глаголы *тюць* — «поставить вехи» (на дороге); *пйда(сь)* — «расставить вехи» (воткнув в землю или в снег кусты или ветви по одной стороне дороги для обозначения пути); *уабта(сь)* — «посадить», «усадить» [Терещенко, с. 304, 434, 606]. Сами традиционные условные знаки на местности, используемые в тундре, можно разделить на две категории: просто ориентиры (*я' ненадумбава* — «земли метка» или *сехэры ненадумбава* — «дороги метка») и ориентиры — указатели направления (*сехэры тю"уй*).

Первая категория меток наиболее разнообразна. Тундровики могут в качестве ориентира воткнуть в снег вверх ногами срубленный куст (*«ветки же вниз головой не растут»*), установить олений рог, палку, связать в виде «чумика» несколько веток. В некоторых случаях для повышения заметности к меткам привязывают яркую ткань или другой материал.

Устанавливаются такие знаки в основном: на съездах с основной дороги; перекрестках; границе леса или кустарника, отмечая начало прорубленной трассы; месте будущей стоянки, в начале узкой протоки, являющейся выходом из большого водного объекта; иногда — на самой дороге, если есть опасность, что она будет сильно перемертена; на местах речных переправ. Некоторые ненцы уточняли, что метки ставятся главным образом для ориентации в ночное время. Вообще, в хорошо знакомой местности, особенно там, где есть хороший обзор и/или большое количество естественных ориентиров, установка рукотворных маяков обычно довольно ограничена и применяется лишь для информирования идущих следом людей о направлении своего движения или месте стойбища. Ненцы, ставящие в таких условиях метки, чтобы не заблудиться,

«Метки земли» и «метки дороги»: наземные природные и искусственные объекты...

по общему мнению, либо совсем неопытные, либо те, кто от рождения не способен ориентироваться,— *эхоборта*. Из рассказа молодой девушки, ездившей к родственникам в лесотундру: «Мне говорят: “Ты зачем метки ставишь? Поселковая, что ли?”» [ПМ Рахимова, Тазовский р-н]. Многие из жителей лесотундры утверждали, что им в их местах рукотворные ориентиры совсем не нужны: «Меток мы никаких по пути не ставили — дороги же есть» [ПМ Адаева, Тазовский р-н].

Тем не менее в непривычных для себя ландшафтах ненцы чаще обращаются к рукотворным дорожным ориентирам. Так, на облесенной территории тундровиками иногда применяются зарубки на стволах деревьев или уложенный на ветви мох. Один из пожилых оленеводов рассказывал, как его в юности вместе с другими молодыми ненцами отправляли работать в незнакомые им северные районы тундры: «В Антипаютинской тундре, когда приехали, ставили себе метки на всей дороге. Мы молодые были, ездили, заготовливали ольховник и развозили по бригадам рыбаков. Через каждые 50 метров тычки ставили, чтобы от одной другую было видно» [ПМ Адаева, Тазовский р-н]. Приведенный пример скорее всего нельзя отнести к традиционному варианту установки ориентиров, о чем говорит и использование информатором русского слова в названии процесса: *тычка уабтамбава* («тычки ставить»).

Особая система дорожных ориентиров, имеющих ту же функцию, сложилась у лесных ненцев. Мы кратко приводим ее здесь лишь для сопоставления с тундровой. Как говорили лесные ненцы, все их подобного рода метки выполняют одну функцию — обозначают близкое присутствие дороги или ее ответвления. В качестве дорожных ориентиров ими используются особым способом затесанные вершины деревьев (*неклея, неккал*), уложенный на деревья мох (*имп нявако*, «моховая голова») и обычные затесы на стволах (*щапма*). *Неклея* — это метка, когда у дерева оставляют только «шапку» сверху, все нижние ветки обрубаются. Другой вариант подобной метки называется *неккал* — в средней части кроны дерева ветки обламываются с двух сторон, так что в итоге остается силуэт в виде восьмерки: «На неккал делают большую сосну на дороге. Когда 40° мороза, хореем чуть задел — сами отлетают, мелкие. Пока едешь, ты ударил, сзади едет — с другой стороны ударит, третий стукнул — всё, шляпа появилась мелкая» [ПМ Адаева, Надымский р-н]. Моховые метки самые недолговечные, особенно если просто уложены в развилки веток или повешены на сучки. Существует и более долговечный вариант, когда подрубается небольшое дерево и мох зажимается в трещине пенька.

Вторая категория, ориентиры-указатели, как понятно из названия, несет в себе еще дополнительную информацию о направлении, в котором нужно двигаться. Зафиксировано три подобных варианта дорожной метки: установленные наклонные палочки, воткнутая костровая головня, насаженный на шест олений череп. Все это может быть названо по-ненецки *сехэры тю’уй* («дороги указатель»).

В первом случае указателем служит набор палочек, установленных в особом порядке на месте, где стоял чум (*мяды*, «чумовище») или на повороте от основной дороги. Чаще всего это три-пять колышков от нескольких десятков сантиметров до полуметра высотой, воткнутых по возрастанию в одну линию и наклоненных в ту сторону, куда ушли люди: «Человек скаслал в тундре: одна палка маленькая будет под углом, вторая подлиньше и третья еще длинше — указывает направление, куда человек уехал. На стоянку ты пришел. Смотришь: ничего не видно. Куда человек скаслал? Он палочки поставит, три вешки, и эти вешки показывают путь, куда ушла дорога. Самая низкая — сантиметров 20–30 высотой торчит. И наклоненные, как будто они идут так» [ПМ Адаева, Тазовский р-н]. Колышки изготавливаются из подручного материала, обычно из дерева, но встречаются и другие варианты. Например, у В.П. Евладова описаны палочки-указатели из оленьего рога [1992, с. 203].

Метки в виде наклонных палочек упоминаются и в других известных источниках по этнографии ненцев. Так, Ю.И. Кушелевский писал в XIX в.: «Некоторые самоеды оставляют на чугорах (местах стоянки. — В. А.) несколько палок, воткнутых в снег наклоненными к тому направлению, где должен быть их новый чугор, и на этих палках они вырезают свои тамги (знаки), по которым и узнают, чей анас (аргш. — В. А.) стоял на чугоре» [1868, с. 66]. Приведенная информация о личных тамгах позволяет предполагать, что такой способ передачи информации не только имел широкое употребление, но и мог быть обращен как к конкретному человеку, так и к неопределенным, довольно условным адресатам.

Схожим по сути указателем является и оставленная костровая головня, которая благодаря своему контрастному цвету отлично видна на фоне снега. Описание этой ненецкой метки также встречается в литературе: «Уходя, пастух не забудет наиболее заметную головешку поста-

вить так, что она укажет путь стада. Если поблизости деревья, поместит ее между сучков. Строго придерживайтесь указанного направления — и нагоните стадо» [Салиндер, 1987, с. 40]. Аналогичную функцию указателя на оставленном стойбище иногда выполнял череп оленя: *«Могут еще голову оленя на палку поставить и повернуть в ту сторону, куда ушли. У ней специального названия нет, что она метка, просто голова, и всё»* [ПМ Адаева, Тазовский р-н].

Как сообщает Г.П. Харючи, еще одним условным знаком у ненцев, служившим для привлечения внимания, был кусок материи, привязанный к хореку (*лабаць*) [2012, с. 38]. Тазовские ненцы рассказывали об использовании костра, разведенного на возвышенности, в качестве сигнала для заблудившихся людей. В наши дни с той же целью иногда поджигают привязанный к воткнутой высокой ветке полиэтиленовый пакет или прикрепляют к установленному шесту подключенную к генератору электрическую лампочку, машут фонариками и т.п.

Кроме специальных путевых меток, хорошими ориентирами на местности могли быть некоторые стационарные объекты, связанные с жизнедеятельностью самих ненцев. Самый распространенный из них, дороги, будет рассмотрен отдельно в силу своей специфики. Следующие важнейшие ориентиры — священные места (*хэбидя я*) и кладбища (*хальмер*): *«Ненцы запоминают местность по этим священным местам, знают, что там такое-то... Потом, по захоронениям, по кладбищам. Раньше же ненцы по родам хоронили, и они всегда дорогу, если кто-то не знает, спрашивают. Им: вот, кладбище такого-то рода по дороге будет, потом там священное место (там же метка бывает — или кости, или еще что-то, листовенницы). И вот они так находили дорогу, запоминали»* [ПМ Адаева, Тазовский р-н]. Специфика расположения ненецких священных мест — в стороне от проторенных путей — сама по себе способствовала тому, что к ним выходили сбившиеся с пути люди: *«Раньше священные места в стороне стояли от основных дорог, таких дорог, как сейчас, не было. Они служили ориентирами, на них выходили, когда заблудишься»* [ПМ Волжаниной, Ямальский р-н]. Немаловажно, что священные места и кладбища обычно находятся на возвышенностях, многие из них остаются видны и в зимнее время.

Тем не менее и священные места, и кладбища могут, по мнению ненцев, представлять угрозу сверхъестественного характера для проезжающего и тем более остановившегося рядом с ними путника. По указанной причине знание о расположении близлежащих священных мест и кладбищ нередко использовалось с целью избежать их близкого прохождения во время поездки: *«Ты должен поехать до точки, а обратно ты должен по этому же следу. Не вкруговую, потому что там священных мест много. Если вкруговую проедешь, значит, у тебя что-то случится. Либо “Буран” сломается, либо заболеешь. Поэтому должен быть проводник»* [ПМ Рахимова, Тазовский р-н].

Хорошим ориентиром могли стать оставленные ненцами в тундре запасы дров, сезонные стоянки нарт, особенно если для покрытия груза в санях использовались яркие материалы. Сложенные дрова и нарты тоже обычно располагались на возвышенностях, потому подолгу не заносились снегом и были видны на значительном расстоянии.

С успехом используются ненцами и искусственные ориентиры, поставленные пришлым населением. История существования некоторых из них уже весьма продолжительна. В частности, в книге Б.М. Житкова упоминается хорошо известный местным ненцам памятный знак, установленный на полуострове Ямале участниками экспедиции С.Г. Малыгина 1736–1739 гг.: *«Самоеды считают этот знак делом рук “турмана” (штурмана Иванова) и называют его поэтому Турман-юмба»* [1913, с. 58]. Современные тундровики сталкиваются уже с большим разнообразием чужеродных объектов, которые служат им надежными ориентирами на далеком расстоянии: тригопункты (*падлада ля*), буровые вышки, вышки сотовой связи (особенно при наличии на вершине освещения), крупные населенные пункты (в первую очередь исходящий от них электрический свет — *харад’ харл* [Харючи, 2012, с. 37]), газовые факелы, трубопроводы, различные другие промышленные конструкции, авто- и железные дороги, оставленный транспорт, балки и т.д. Есть и местные достопримечательности, как, например, пограничные радиолокационные тарелки в окрестностях п. Гыда: *«У нас “священный” холм-ориентир — это армейские локаторы Гыданские. Появляется — всё, к нему едешь и не заблудишься никогда»* [ПМ Рахимова, Тазовский р-н].

Оставляя в стороне негативное воздействие активного промышленного освоения на традиционную жизнь и культуру ненцев, нужно отметить, что в таких условиях ориентирование на местности значительно упрощается: *«И поселки сейчас светятся. Примерно знаешь, где Заполярка, вот в ту сторону смотришь — там Тазовский и Газсале. Если огоньков много, значит, там дорога, трасса. Только тупой заблудится»* [ПМ Адаева, Тазовский р-н].

Ненецкие дороги

Дорога всегда была первым ориентиром и путеводной нитью, которая вела в нужном направлении. В прошлом, до начала промышленного освоения Севера Западной Сибири, в тундре существовала насыщенная сеть нартенных дорог — зимних (*сехэры* или *шехэры*) и летних (*недарма*). Летние благодаря длительному активному использованию остаются хорошо заметными в тундре многие десятки лет.

В Тазовской тундре, близ правого берега Нижнего Таза до наших дней сохранилась местная достопримечательность — «Дорога Ваули Ненянга» (Ваули-недарма). Дорога протяженностью около 65 км ведет вдоль берега р. Таз от оз. Ненянг-то на запад-северо-запад к р. Щучьей (протока р. Мессояха). По пути она пересекает несколько крупных рек, заходит в заброшенный ныне п. Ярайка. При совпадении маршрута с подобными старыми дорогами современные оленеводы с удовольствием используют их, так как они проложены наиболее удобным путем, минуя сложно пересеченный ландшафт, и до сих пор остаются сравнительно чистыми от кустарниковых порослей. Показательно, что наезженные летние дороги все старого происхождения: *«Недарма были еще раньше, в те года, когда еще деды жили — когда лес возили, почту, в годы советской власти... И до революции ненцы тоже далеко ездили»* [ПМ Адаева, Тазовский р-н].

Оценивая высокий рационализм маршрута старых дорог, ненцы подчеркивают, что прокладывавшие их люди отличались особым талантом: *«Человек какой-то умный пробил, вот именно надо, чтобы дорога проходила по вершинам рек, где прямее, где лучше речки резать»* [ПМ Адаева, Тазовский р-н]. Кстати, подобного же рода замечания в отношении дорожных первопроходцев распространены и среди других северных народов. Так, этнограф А. Лаврилъе пишет о кочевых эвенках, что среди них *«изредка встречаются люди с изобретательным умом и обладающие высоким статусом: они умеют открывать новые пути и новые территории, прорубая топором в лесу более короткие пути, чем обычные кочевые дороги. Если этот путь нравится другим кочевникам, он вскоре станет новой регулярной дорогой»* [2010, с. 120].

В прошлом ненецкие дороги могли достигать значительной протяженности. В памяти оленеводов сохранились рассказы их дедов о дальних поездках в города и селения, расположенные в современных Ямало-Ненецком (Обдорск), Ханты-Мансийском (Березов, Сургут) округах, Красноярском крае и других регионах. По отзывам ненцев, в те времена (XIX — начало XX в.) не было необходимости специально пробивать дорогу в дальние места, в силу хорошей наезженности путей сообщения: *«Раньше отец далеко ездил. Ему дорогу не надо было знать — там же людей много было, кругом дороги были олени. Транспорт-то только олений был зимой»* [ПМ Адаева, Тазовский р-н]. Один из таких проторенных маршрутов, связывавший Гыдан с Сургутом, описал Б.Н. Городков: *«Дороги на Сургут пролегают вначале вдоль низовьев Пура. До р. Таиловой, притоку Надыма, в пределах лесотундры самоеды движутся различными путями, далее же придерживаются одной дороги, так как приходится пользоваться издавна существующими просеками в лесах. Этот путь, которым ходят и жители низовьев Пура и Таза, является лишь зимней дорогой, прокладываемой преимущественно по безлесным оплотам и по озерам. На лесистых участках она имеет вид узких просек»* [1926, с. 51].

В лесу и лесотундре, ввиду специфики ландшафта, дорога вообще нередко становилась главным ориентиром при передвижении. Из высказывания лесотундрового ненца: *«Я ездил и ориентировался только по дороге. В другом месте, там олень не пойдет. Без дороги олень тоже не пойдет»* [ПМ Адаева, Тазовский р-н]. Прорубленные в густом кустарнике просеки (*лэ-дара' ерсей*) становились узкими коридорами, через которые проходили в своих кочевьях ненцы и их олени стада.

Заключение

Навигационные знания ненцев включают богатейший багаж информации по местной географии и природе, опыт ориентирования с помощью целой системы разнообразных приемов, проверенные алгоритмы действий при возникающих в пути экстремальных ситуациях, доведенные до автоматизма навыки применения всего этого на практике. Знание природных ориентиров, использование искусственных указателей, техника их запоминания являются основой непосредственно практики ориентирования.

Один из важнейших итогов настоящего исследования — вывод о выделении рек и возвышенностей (сопки, горы, водораздельные хребты) в качестве универсальных и первоочередных естественных ориентиров для тундровых ненцев. Первые, по сути, представляют для жителей

тундры своеобразную сеть координат, к которой удобно привязывать расположение остальных объектов; в зимнее время они нередко становились пусть не самыми короткими, но надежными дорогами. С этим, кстати, согласовывается и упрощенная форма запоминания конфигурации течения водотоков — только в общем виде, без деталей. Вторые ориентиры, возвышенности,— как вешки, заметные на большом расстоянии, позволяют «достраивать» в воображении всю картину окружающего ландшафта, и, кроме того, ценны тем, что сами могут использоваться для обзора местности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

- Полевые материалы* В.Н. Адаева, 2014 г. (Надымский, Тазовский р-ны ЯНАО).
Полевые материалы Е.А. Волжаниной, 2014 г. (Ямальский р-н ЯНАО).
Полевые материалы Р.Х. Рахимова, 2014 г. (Надымский, Тазовский р-ны ЯНАО).

Литература

- Городков Б.Н. Краткий очерк населения Крайнего северо-востока Западной Сибири // Изв. Рос. геогр. о-ва. Т. VIII. Вып. 2. 1926. С. 50–76.
- Евладов В.П. По тундрам Ямала к Белому острову: Экспедиция на Крайний Север полуострова Ямал в 1928–1929 гг. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1992. 282 с.
- Житков Б.М. Полуостров Ямал. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича: 1913. X. 350 с.
- Источники по этнографии Западной Сибири.* Томск: Изд-во ТГУ, 1987. 284 с.
- Кулемзин В.М. Пространственная ориентация охотничьих народов // Сибирь в панораме тысячелетий: Материалы Междунар. симп.: В 2 т. Т. 2. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. С. 242–244.
- Кулемзин В.М. О пространственной ориентации селькупов и хантов // Земля Колпашевская: Сб. науч.-популяр. очерков. Томск: Изд-во ТГУ, 2000. С. 20–212.
- Кушелевский Ю.И. Северный полюс и земля Ямал: Путевые записки. СПб.: Тип. М.В.Д., 1868. 156 с.
- Лаврилье А. Ориентация по рекам у эвенков юго-востока Сибири. Система пространственной, социальной и ритуальной ориентации // ЭО. 2010. № 6. С. 115–132.
- Лебедева А.А. О навигационном искусстве народов Океании // Индонезийцы и их соседи. Festschrift Е.В. Ревуненковой и А.К. Оглоблину. СПб.: МАЭ РАН, 2008. С. 365–371.
- Салиндер И. Полезная наука // Северные просторы. 1987. № 6. С. 40.
- Терещенко Н.М. Ненецко-русский словарь. М.: Сов. энцикл., 1965. 942 с.
- Харючи Г.П. Природа в традиционном мировоззрении ненцев. СПб.: Историческая иллюстрация, 2012. 160 с.
- Шренк А.И. Путешествие к северо-востоку Европейской России через тундры самоедов к Северным Уральским горам, предпринятое по высочайшему повелению в 1837 г. Александром Шренком. СПб.: Тип. Григория Трусова, 1855. 665 с.
- Allen G.L. Principles and practices for communicating route knowledge // Applied cognitive psychology. 2000. № 14. P. 333–359.
- Aporta C. New ways of mapping: Using GPS mapping software to plot place names and trails in Igloodik (Nunavut) // Arctic. 2003. № 4. P. 321–327.
- Aporta C. The trail as home: Inuit and their Pan-Arctic network of routes // Human Ecology. 2009. Vol. 37. P. 131–146.
- Istomin K.V., Dwyer M.J. Finding the way: (A critical discussion of anthropological theories of human spatial orientation with reference to reindeer herders of Northeastern Europe and Western Siberia) // Current Anthropology. 2009. Vol. 50. № 1. P. 29–49.
- Leroi-Gourhan A. Gesture and speech. Cambridge, MA: MIT Press, 1993. 432 p.

Тюмень, ИПОС СО РАН
whitebird4@yandex.ru

The paper presents a set of earth-based natural and artificial landmarks used by the Nenets, together with practice of their learning and use. Subject to consideration being a double-level landscape knowledge among the tundra Nenets, suggested by K.V. Istomin and M.J. Dwyer, where the upper level allows moving easily across the territory, while the lower one contains a detailed landscape knowledge necessary for reindeer breeding. The author draws a conclusion that for the tundra Nenets rivers and hills stayed the top priority and universal natural landmarks.

Spatial orientation, tundra Nenets, north landscapes, conventional signs, roads.